

«Слушаешь? Кого ты там слушаешь?»

«Юй-гээр лишь сменил обращение, вовсе не собираясь вступать в задушевные беседы».

Тао Цинъюй, ворча про себя, отодвинулся вглубь кареты, стараясь держаться как можно дальше от длинных ног Фан Вэньли.

Сегодня с этим учителем явно было что-то не так.

Сельская дорога не щадила путников: экипаж нещадно трясло на рытвинах. Спина Цинъюя, то и дело бившаяся о жесткую стенку кареты, начала ныть от боли. Он ютился в самом углу, словно нахохлившийся воробей, и всеми силами старался не заговаривать с этим «лисом-обольстителем».

Время тянулось медленно. То ли Цинъюй за последнее время и впрямь сильно похудел, то ли скамья была слишком жесткой, но сидеть на ней становилось невыносимо. Он несколько раз осторожно менял позу, стараясь не задевать соседа, чьи руки и ноги, казалось, занимали всё пространство экипажа.

Однако Фан Вэньли был необычайно проницателен. Заметив, как юноша хмурится от неудобства, он протянул ему свой плащ.

— Подложи под поясницу.

Цинъюй лишь мельком взглянул на дорожную ткань.

— Не нужно.

«Такой добротный плащ после подобного использования превратится в мятую тряпку, и от былого величия учителя не останется и следа».

Фан Вэньли, немного поколебавшись, молча подался вперед. Он сложил плащ и попытался сам просунуть его за спину Цинъюя. Тот никак не ожидал подобной вольности, и когда чужие пальцы случайно коснулись его талии, он вздрогнул. От неожиданной щекотки юноша буквально подпрыгнул на месте.

Раздался глухой удар.

— О-ой! — Цинъюй вскрикнул, обхватив голову руками.

— Господин, в моей карете прыгать не стоит! — обеспокоенно крикнул кучер с козел.

Юноша лишь жалобно простонал, чувствуя, как боль в висках отзывается пульсацией.

— Юй-гээр...

— Фан Вэньли! — во всю глотку заорал он.

Учитель на мгновение замер.

«Вот теперь — всё верно».

Осознав, о чем он только что подумал, Фан Вэньли невольно рассмеялся. Он осторожно отвел руки Цинъюя от головы и накрыл ушибленное место ладонью, мягко поглаживая.

— Прости, моя вина.

Цинъюй сердито смахнул его руку, выхватил плащ и сам подложил его под спину. После этого он уставился на мужчину с опаской, округлив глаза, точно рассерженный кот.

Фан Вэньли убрал руки и сел прямо.

— Больше не шевельнись.

Цинъюй демонстративно отвернулся и хмыкнул.

— Сильно болит? — заботливо спросил учитель. — Может, как приедем в уезд, сразу заглянем в лечебницу?

— Не болит. Никуда не пойду. И ты — не двигайся! — Юй-гээр метнул в него гневный взгляд, осторожно ощупывая макушку. Там уже начала надуваться приличная шишка.

Он стиснул зубы, мысленно нанося воображаемому Фан Вэньли серию сокрушительных ударов.

«У него что, вчерашние лекарства на голову подействовали? С чего вдруг он капризничает?!»

— У меня есть лечебная настойка.

— И что? — не на шутку разошелся Цинъюй. — Хочешь, чтобы я заявился на свадьбу к Чжу-

гээр, благоухая лекарствами на всю округу?

«Больше не боится?»

Настроение Фан Вэньли мгновенно улучшилось. Он положил руки на колени, едва заметно постукивая пальцами и раздумывая, как бы получше загладить вину.

В карете стало тихо. Спустя некоторое время Цинъюй запоздало осознал, что сорвался на человека зря. Решив, что напугал бедного учителя, он поспешил оправдаться.

— Со мной всё в порядке, просто от боли в голове помутилось. Прости, что накричал.

Настроение Фан Вэньли тут же рухнуло в бездну. В его глазах сгустился мрачный туман.

— Зачем ты извиняешься?

— Я повел себя грубо.

«Это не тот тон, который подобает использовать с клиентом».

Вспомнив о ста лянх серебра, Цинъюй сложил руки на коленях и даже слегка поклонился, искренне добавив:

— Прошу прощения.

Дыхание Фан Вэньли перехватило. Опять. Тот самый тон, с которым тот годами продавал ему рыбу. Учитель почувствовал, как в душе вскипает глухое раздражение вперемешку с отчаянием. Он прислонился спиной к стенке экипажа, всерьез раздумывая, не слишком ли осторожно он действует.

— Тао Цинъюй, — отчетливо произнес он.

— А? — Юноша мгновенно выпрямился.

Когда Фан Вэньли называл его по полному имени, Цинъюй казалось, что он снова стал нерадивым учеником, которого вызвал к доске строгий наставник.

— Я не сержусь. И в твоём поведении нет ничего предосудительного. Это я потерял чувство меры, так что извиняться должен я. И еще... — Учитель пристально посмотрел на него, и в этом взгляде почудилась странная властность.

Циньюй невольно сглотнул и сел еще прямее.

— Слушаю вас.

«Ого, уже и на "вы" перешел».

Фан Вэньли отвел глаза и постарался спросить как можно мягче:

— Как твоя голова?

«До смерти напугал!»

Циньюй едва не выдохнул от облегчения. Он расслабился и слегка похлопал себя по груди.

— Пустяки, не стоит вашего беспокойства.

«Хорошо. Не стоит беспокойства».

Фан Вэньли чувствовал, что рано или поздно этот юноша сведет его в могилу. Оставшуюся часть пути он провел с закрытыми глазами, стараясь не выдавать своего присутствия, лишь прислушиваясь к каждому движению Циньюя.

Тот поджал губы. Мельком взглянув на соседа, он отвернулся.

«Ну вот, теперь он ведет себя как обычно».

Опершись подбородком на руку, юноша погрузился в раздумья о предстоящих делах.

На свадебном пиру Цинь Чжу нужно будет просто поесть и побыть рядом с другом, а вот после... нужно будет серьезно поговорить с Фан Вэньли. По словам его бабушки, учитель — завидный жених. Но почему он выбрал именно его?

Циньюй искоса взглянул на мужчину. Осмотрел его с ног до головы и тихонько вздохнул. По нынешним меркам, красавцем считали кого-то вроде Цинь Чжу.

«Фан Вэньли, должно быть, человек нелюдимый, раз из всех знакомых у него только один продавец рыбы. Кто знает, какая нужда заставила его пойти на эту сделку?»

Фан Вэньли не видел гээра, но отчетливо ощущал на себе его взгляд. Он открыл глаза. Циньюй, не ожидавший, что его поймут, вздрогнул, но постарался сохранить невозмутимый

вид.

— О чем задумался? — вкрадчиво спросил наставник.

— О те... — Юй-гээр осекся и прикусил губу. — Ни о чем.

— Господа, приехали! — слышался голос кучера.

Фан Вэньли бросил на него короткий взгляд и первым вышел наружу. Цинъюй, немного помедлив, свернул плащ и последовал за ним. Расплатившись с извозчиком, юноша намеревался сразу идти к дому Чжоу.

Заметив, что тот уже готов сорваться с места, Фан Вэньли протянул руку и осторожно придержал его за рукав.

— Не спеши. Идем со мной.

Ничего не понимая, Цинъюй поплелся следом. Постепенно учитель замедлил шаг, и когда юноша поравнялся с ним, снова спросил:

— Голова всё еще болит?

— Да пустяки. Нам в другую сторону, дом Чжоу там.

— Успеем. — Фан Вэньли посмотрел на плащ в руках гээра, и морщинка между его бровей разгладилась.

Сначала они зашли в дом Фан. Цинъюй был здесь лишь второй раз. Слуги по имени А Сю не было видно, в комнатах царила тишина — такая же холодная и отстраненная, как и сам хозяин.

— Садись, отдохни. — Фан Вэньли открыл дверь в главную комнату.

После недолгой перепалки в карете быстрое смущение Цинъюя почти улетучилось, так что он без лишних слов прошел внутрь. Учитель, заметив перемену в его настроении, едва заметно приподнял бровь. Он взял приготовленный для семьи Чжоу подарок и, дождавшись, пока юноша переведет дух, повел его к цели.

В какой-то момент Цинъюй резко остановился.

— Подожди. Мне тоже нужно что-нибудь купить в подарок.

Фан Вэньли легонько придержал его за край одежды, не давая уйти. Другой рукой он протянул два свертка.

— Подержи-ка.

Циньюй послушно взял их, хотя в его глазах читалось недоумение.

— Я уже всё приготовил, — пояснил наставник.

— Так нельзя...

Фан Вэньли лишь ускорил шаг, увлекая его за собой. Спустя пару переулков они уже стояли перед воротами Чжоу.

— Пришли.

Циньюй натянуто усмехнулся.

— И это говорит учитель. Совсем не по правилам поступаешь.

— И в чем же нарушение?

У ворот уже распоряжался управляющий, принимавший подношения. Стоило им появиться, как он узнал Фан Вэньли и расплылся в приветственной улыбке. Циньюю ничего не оставалось, кроме как передать подарки.

Дом Чжоу оказался просторным: три двора, соединенных переходами, выглядели куда величественнее соломенных хижин семьи Тао. За резной ширмой открывался вид на изящный сад с беседками и ухоженными дорожками.

Свадьба праздновалась по старинному обычаю: утром — встреча, вечером — обряд. До венчания оставалось еще немало времени, так что Фан Вэньли сначала отвел спутника засвидетельствовать почтение старшим в роду Чжоу, а уже потом они отправились искать самого жениха.

Чжоу Линъи был поглощен заботами: Цинь Чжу уже привезли, и теперь он отдыхал в отведенных ему покоях. Обменявшись приветствиями, лекарь предложил Циньюю самому навестить друга.

В отдельном тихом дворике Чжу-гээр томился в ожидании. Стоило Циньюю войти, как он увидел, что тот, завалившись на кровать, с аппетитом уплетает финики. Юноша не сдержал

смешка. Цинь Чжу вздрогнул, в мгновение ока выпрямился и набросил на лицо красное покрывало.

— Это я.

— Сяо Юй! — Чжу-гээр сорвал с себя фату. — Сяо Юй! Как ты здесь оказался?!

Он соскочил с кровати и с разбега кинулся другу на шею. Циньюй привычно изобразил из себя опору, а затем отлепил друга от себя и усадил на табурет.

— Проголодался?

— Угу, — Цинь Чжу жалобно погладил живот.

Циньюй открыл принесенный с собой коробок с едой.

— Чжоу Линъи велел передать. Перекуси немного, впереди еще долгий вечер.

— Сяо Юй, ты лучший! — Чжу-гээр ласково прижался к нему.

Даже гээрам в Дали в день свадьбы полагалось украшаться. На лицо Цинь Чжу нанесли белила и румяна, но он не выглядел женственным — скорее, необычайно милым. Его белая кожа и пухлые щеки теперь напоминали спелый персик, который так и подмывало укусить.

Циньюй, глядя, как тот уплетает угощение, напомнил:

— Ты помнишь, о чем я тебе говорил?

«О чем это?»

Цинь Чжу замер с набитым ртом. Под суровым взглядом друга его не слишком обремененный заботами мозг лихорадочно заработал.

— О! Вспомнил!

Он опасливо покосился на дверь и прошептал Циньюю на ухо:

— Нельзя спешить с детьми.

— Именно. — Циньюй легонько ущипнул его за щеку. — Ты еще слишком молод. Скажи Чжоу Линъи всё так, как я тебя учил. Он лекарь, он поймет.

— Угу!

Циньюй, точно насадка, погладил его по голове, чувствуя небывалое облегчение. Но не успел он предаться грустным мыслям о том, что теперь они будут видеться реже, как Чжу-гээр схватил его за руку. Его глаза сияли.

— Я сегодня выхожу замуж, значит, и тебе скоро пора?

«И правда...»

Циньюй оперся подбородком на ладонь.

— Не знаю, — неуверенно произнес он. — Посмотрим, что он решит.

— А что тут решать? Небось, спит и видит, как бы поскорее тебя в дом забрать. — Цинь Чжу гордо вздернул нос, будто это была его личная заслуга.

Циньюй легонько ткнул его в бок.

— Ешь давай.

— Ем-ем! Сяо Юй, ты тоже попробуй.

Он взял предложенное лакомство, но мысли о будущем соглашении с Фан Вэньли внезапно навалились тяжелым грузом. Брак означал, что ему придется покинуть родной дом. Циньюй до этого старался об этом не думать, но теперь понял: у них с учителем впереди еще много долгих разговоров.

Проведя время с другом, Циньюй и сам немного перекусил. Когда слуга сообщил, что час близится, он собрал остатки еды и вышел из комнаты. Стоило двери открыться, как стайка служанок и опытных женщин окружила Цинь Чжу, принимаясь за его последний наряд.

Циньюй окинул взглядом коробок в руках и, решив не сидеть без дела, спросил дорогу к кухне. Он был одет скромно, а в полумраке галерей его лица было не разглядеть. Пробежавшая мимо служанка приняла его за нового работника и, на бегу указав дорогу, поспешила по своим делам с подносом чая.

Семья Чжоу не стала нанимать поваров со стороны, доверив пир собственным мастерам. На кухне царил столпотворение: полтора десятка человек резали, жарили и разносили блюда. Несмотря на зимнюю стужу, повара обливались потом.

Цинъюй, стараясь не мешаться под ногами, оставил короб и уже собирался уходить. Нужно признать, кухня Чжоу была поистине огромной — размером с их главный дом. На нескольких печах одновременно кипела работа, длинные каменные столы ломились от овощей и мяса. Стук ножей не смолкал ни на мгновение.

Главным здесь явно был краснолицый повар с полотенцем на шее, чей зычный голос перекрывал весь этот шум:

— Эй ты! Чего застыл? А ну, иди помогай!

Цинъюй, приняв его за распорядителя, лишь вежливо улыбнулся и подошел.

— На. — Мужчина всучил ему корзину с яйцами. — Выкинь эти тухлые яйца в яму с отбросами!

После чего он обернулся к помощникам и разразился бранью:

— Глаз у вас нет, что ли? Таковую дрянь в дом тащить! Забыли, какой сегодня день?!

Цинъюй приподнял бровь, глядя на корзину, где лежало не меньше десятка яиц. Одно яйцо стоило пару медяков, так что здесь было на добрых тридцать-сорок — жаль переводить продукт. Стараясь не пропустить самое важное, он быстро избавился от корзины и вернулся в парадную часть дома.

Во дворе стало еще многолюднее. Наступили сумерки, и в украшенном алыми лентами доме одна за другой загорались свечи. Огонь отражался в улыбках гостей — все ждали начала обряда.

В главный зал вошел Чжоу Линъи в расшитом свадебном облачении. Цинь Чжу, чье лицо скрывала красная вуаль, держал в руках шелковый узел-сокровище. Лекарь склонился к нему и прошептал что-то на ухо; пальцы юноши, до этого судорожно сжимавшие ткань, заметно расслабились.

Затем начался ритуал «ведения за полотенце»: Чжоу Линъи медленно отступал, а Цинь Чжу послушно следовал за ним. Перед главным алтарем они встали плечом к плечу. На почетных местах восседали родители жениха — люди с виду благородные и добросердечные.

Под торжественные возгласы распорядителя молодые совершили поклоны Небу, Земле и родителям. Цинъюй стоял среди гостей, чуть впереди остальных. Слушая протяжный голос распорядителя, он с тихой, светлой улыбкой наблюдал за этой парой, чей союз отныне был

скреплен священными узами.

Даже когда молодых проводили в опочивальню, а гости начали расходиться к столам, Цинъюй продолжал стоять на месте. Появившийся рядом Фан Вэньли проследил за его взглядом и не без ревности в голосе спросил:

— Жаль расставаться?

Цинъюй покачал головой и улыбнулся.

— Вовсе нет. Мы ведь еще увидимся.

Ему просто было странно осознавать, что еще вчера они вместе играли, а сегодня его друг уже стал чьим-то супругом. Уголки губ Фан Вэньли дрогнули в полуулыбке.

«Вот и славно».

Процессия с молодыми скрылась за поворотом. Учитель, словно проявляя заботу, предложил:

— Не хочешь пойти за ними?

— Нет смысла. — Цинъюй уловил тонкий аромат древесины, исходивший от соседа, и слегка отступил. — Уже поздно... когда мы обсудим наше... нашу свадьбу?

«Нашу».

Фан Вэньли посмотрел на него, и в глубине его глаз всколыхнулось темное пламя. В неверном свете свечей, окутавшем его лицо мягкой дымкой, резкие черты наставника смягчились. Казалось, даже его взгляд стал теплее.

«Фан Вэньли и впрямь хорош собой, смотреть на него слишком долго опасно».

Он быстро отвел глаза и услышал ответ:

— Может быть, после пира?

Сделка была заключена, деньги получены, но о самой свадьбе учитель пока не распространялся. Цинъюй решил, что сегодня стоит хотя бы узнать общие требования, а детали обсудить позже. Времени это занять не должно, так что он кивнул.

— Хорошо.

Гости уже потянулись к столам, и во дворе стало непривычно тихо. На мгновение воцарилось молчание. Цинъюй раздумывал, как ему возвращаться домой по темноте. Фан Вэньли видел лишь его макушку и профиль. В теплом сиянии свечей выбившиеся пряди волос гээра казались золотистыми, а его мягкие ушки, покрытые едва заметным пушком, вызывали непреодолимое желание прикоснуться.

Учитель потер пальцы и негромко произнес:

— Пора к столу.

Цинъюй очнулся от своих мыслей, улыбнулся и уверенно зашагал к залам. Фан Вэньли последовал за ним, но не успел сделать и пары шагов, как на его плечо легла тяжелая рука.

Чжоу Линъи, хоть еще и не начал пировать, уже выглядел слегка захмелевшим от счастья.

— Куда это ты?! — весело воскликнул он. — Уговорились же, что будешь меня выручать, если пить заставят. Пошли-пошли!

— Когда это я такое говорил? — Фан Вэньли брезгливо стряхнул его руку.

— Я сегодня женюсь! — упрямо выпятил подбородок лекарь.

— И что с того? — учитель оставался холоден как лед.

Чжоу Линъи, чья броня против подобного отношения ковалась годами, лишь рассмеялся. Он потащил друга в сторону мужских столов, на ходу приговаривая:

— Да не бойся ты, твой Сяо Юй никуда не денется. Я велел посадить его на почетное место и наказал младшим за ним приглядывать.

Фан Вэньли покосился на свое плечо и принялся разглаживать складку на халате.

— Полегче. У меня еще дела.

— Вот и скажи гостям, чтобы они были полегче, — хохотнул Чжоу Линъи. — От меня тут мало что зависит.

Тем временем Цинъюя проводили к его месту. Стол накрыли в доме, где было тепло от пылавших жаровен. Гостей здесь было немного — всего четыре стола. Холодные закуски уже подали, и приглашенные постепенно занимали свои места.

Слева от него пристроился подросток — Чжоу Сяолю, который часто помогал в лечебнице. Единственный мужчина за их столом. Справа сидела девочка лет тринадцати, чьи черты лица неуловимо напоминали Чжоу Линъи. Оба были из семьи Чжоу. Остальные места занимали незамужние гээры и девушки — все нарядные, в лучших украшениях.

Когда начали подавать горячее, юная хозяйка приветливо пригласила всех к трапезе. Цинъюй заметил, что особое внимание она уделяла девушке в лазурном платье, сидевшей через одно место от него. Лицо этой гостьи показалось ему знакомым. Впрочем, долго ломать голову он не стал и принялся за еду.

Казалось, из всей компании только Цинъюй пришел сюда ради угощения. Если не считать младших Чжоу, остальные гости лишь лениво ковырялись в тарелках, едва касаясь губами палочек. Цинъюй же ел с аппетитом, сохраняя при этом вежливую манеру. Сяолю и Сяоу, проработавшие весь день, тоже изрядно проголодались, и, глядя на гостя, сами принялись за еду с удвоенной энергией.

Но не успели они войти во вкус, как со стороны донесся резкий голос:

— Эй! Это ты сейчас с Учителем Фаном любезничал?

Голос был звонким, но в нем слышалось такое неприкрытое высокомерие, что у Цинъюя невольно заныли зубы. Он, впрочем, и бровью не повел, продолжая методично уничтожать содержимое тарелки. Младшие хозяева дома, связанные правилами приличия, вынуждены были отложить палочки и с недоумением воззреться на нарушительницу спокойствия. Они проследили за взглядом Чжао Ци.

«Неужто она это про брата Тао?»

— Эй, я тебя спрашиваю! — Чжао Ци, видя, что на нее смотрят, еще выше задрала подбородок.

Цинъюй на мгновение задумался.

«А, вспомнил. Бывшая пассия учителя... та самая, что крутилась у павильона на озере».

Он не хотел портить праздник Чжу-гээр, а потому решил попросту проигнорировать задиру, притворившись немым и глухим едоком.

Однако его молчание лишь подлило масла в огонь. Чжао Ци, не привыкшая к подобному обращению, покраснела от ярости.

— Я с тобой разговариваю! Ты что, оглох?!

Младшие Чжоу переглянулись. Сяолю робко потянул Цинъюя за пояс. Юноша перехватил его руку, резко повернул голову и, перекрывая голос Чжао Ци, рявкнул на весь зал:

— А?! ЭТО ВЫ МНЕ?!

В комнате мгновенно воцарилась гробовая тишина. Соседние столы замерли, кто-то даже выронил палочки, и они с грохотом покатались по полу. Чжао Ци густо покраснела, чувствуя, что теряет лицо.

Цинъюй же, будто не замечая конфуза, расплылся в виноватой улыбке. Ничуть не сбавляя громкости, он прокричал:

— Простите, я плохо слышу! Не могли бы вы говорить погромче? Так что вы там сказали?!

Он смешно наклонил голову, подставляя ухо в сторону Чжао Ци, всем своим видом изображая безнадежного глупца. Сяолю смотрел на него, разинув рот.

«Ничего себе...»

Остальные гости понимающе переглянулись.

«Тьфу ты! А мы-то думали, сейчас ключья полетят. С глухого какой спрос?»

Сяоу в растерянности посмотрела на брата. Старший ведь ничего не говорил о том, что у лучшего друга его супруга проблемы со слухом. Сяолю лишь молча покачал головой — он-то только что видел, как этот «глухой» шептался с Учителем Фаном.

Чжао Ци задохнулась от возмущения, не зная, что и сказать.

— Подумать только, глупец какой! — прошипела она. — Учитель Фан на такого и не взглянет.

Цинъюй опустил голову, пряча ехидную ухмылку. Сидевший рядом Сяолю, чьи ноги не доставали до пола, всё прекрасно видел. Юй-гээр подмигнул ему, сверкнув клычком. Подросток сжал губы, стараясь не рассмеяться, и под столом показал ему большой палец. Чжао Ци была известна своим несносным нравом, и в семье Чжоу ее недолюбливали, но, будучи дочерью важного гостя, она пользовалась неприкосновенностью.

Когда буря утихла, троица смогла продолжить трапезу. Но стоило им сделать пару глотков, как разговор за соседним столом возобновился. Цинъюй прислушался и почувствовал, как внутри

всё закипает от гнева. Он медленно отложил палочки.

— Сяоу, а правда говорят, что твой старший брат взял в жены какого-то деревенского гээра? — начала Чжао Ци.

По одному только тону было ясно, что добром этот разговор не кончится. Сяоу нахмурилась, но была вынуждена ответить:

— Сестрица Чжао, супруг моего брата — прекрасный человек. В нашей семье не смотрят на происхождение...

Но Чжао Ци бесцеремонно перебила ее:

— Да как ни смотри, не стоило подбирать кого-то из такой дыры. Ты же понимаешь — деревенщина грамоте не обучена, правил приличия не знает. Ваша семья поколениями лечит людей, дядя Чжоу мог бы и получше присмотреться...

Гости замерли от такой наглости, даже в соседних залах стало тише.

«Надо же, только такой "заботливый" уездный начальник мог вырастить такую дочь!»

Под столом кулаки Цинъюя сжались до хруста. Сяолю, знавший от брата о крутом нраве гостя, не на шутку испугался. Он схватил Цинъюя за руку и прошептал:

— Не надо, она дочь уездного начальника.

Иными словами — семье Чжоу не по силам с ней тягаться. В крохотном Миншуге слово начальника уезда — закон, а его любимую дочь трогать заказано. Младшим оставалось лишь терпеть, хотя они и кипели от ярости, понимая, что любая ссора обернется бедой для их дома.

Остальные гости тоже чувствовали себя неловко. Прийти в чужой дом и оскорблять хозяев — неслыханная дерзость. Но из страха перед ее отцом все молчали. Чжао Ци, привыкшая к всеобщему поклонению, распалялась всё больше:

— Неужто та семейка вас окрутила? Сватовство ведь только-только прошло, а свадьбу уже через пару дней сыграли. Видать, без хитростей не обошлось. Небось, тот гээр какими-то средствами воспользовался...

Терпение лопнуло.

Цинъюй резко сбросил руку Сяолю и снова комично наклонил голову.

— А?! Вы говорите, что окрутили деревенского гээра?! — он во весь голос, с самым неподдельным изумлением, прокричал: — ДА ЗАЧЕМ ВАМ СДАЛОСЬ ТАКИМИ СРЕДСТВАМИ ЧУЖИХ ГЭЭРОВ ОКРУЧИВАТЬ?!

В зале стало так тихо, что было слышно, как падает зола в жаровнях.

<http://bllate.org/book/15858/1443881>